

*Всем читателям
историй о Скарлет и Айви —
последняя тайна*

Глава первая

Айви

Последняя тайна ждала нас на дне одного из ящиков отцовского стола. А первым сюрпризом стало то, что отец пригласил нас к себе на каникулы. Когда мы в последний раз были дома, наша мачеха совершенно недвусмысленно заявила, что не желает вновь видеть нас под своей крышей. Однако настал холодный декабрь, и отец позвонил новой директрисе Руквудской школы и сказал, что сам заберёт нас на каникулы вместо своей сестры, то есть нашей тётушки Фебы.

Мы с сестрой-близнецом Скарлет выбрались из отцовского автомобиля и уставились на наш дом, выдыхая, словно два дракона,

клубы пара в морозном воздухе. Я старалась запомнить этот вид до последних мелочей на тот случай, если нам запретят возвращаться сюда.

Наш дом, казалось, появился будто из волшебной сказки — большой, сложенный из светлого камня, с идеально ровной соломенной крышей. Если коттедж тётушки Фебы всегда выглядел слегка неряшливо, с пятнами грязи на полу и висящими на крючках пыльными плащами, то отцовский дом, казалось, был построен исключительно для того, чтобы им любовались. Правда, глядя на него, я не чувствовала ничего, кроме холода, как снаружи, так и внутри себя. За железными воротами открывалась аккуратно подстриженная лужайка, на которой мы со Скарлет сидели когда-то на чемоданах — сестра ждала отправки в Руквудскую школу, а я — к тётушке Фебе. Как же давно это было! Такое ощущение, что в прошлой жизни. По каменным стенам дома вились розы. Подёрнутые инеем, они могли, наверное, выглядеть просто сказочно, если бы их лепестки не начали темнеть и вянуть от холода, и не казались бы такими большими и острыми торчащие на их стеблях шипы.

Просто удивительно, как быстро сменяют друг друга времена года! Казалось, только

вчера мы натерпелись страха во время Хэллоуина, только вчера шуршали осенними листьями, отправляясь жечь костры в Ночь Гая Фокса, когда отмечают не удавшуюся этому преступнику попытку взорвать здание парламента. И вот, пожалуйста, ещё всего два дня, и уже Рождество настанет, и нам предстоит встретиться с ним в доме, который мы со Скарлет никогда уже не надеялись увидеть вновь.

Отец обогнал нас, прошёл с нашим багажом к входной двери, мурлыча что-то себе под нос. Мы с сестрой двинулись следом, нервно оглядываясь по сторонам и не зная, что нас ожидает внутри.

Ясное дело, мачехе неприятно, что отец вопреки её желаниям пригласил нас домой, но дальше-то что?

Однако, когда открылась дверь и мы вошли внутрь, там было холодно и тихо. И никого, кроме нас троих.

— А где Эдит? — спросила Скарлет.

Отец выронил на пол наши сумки и, тяжело дыша, прислонился спиной к двери.

— Уф... — ответил он. — Хм... Не знаю. По магазинам пошла, наверное.

Ну, это уж ерунда какая-то. Дело в том, что здесь на километры вокруг не было ни одного магазина, а на единственной в семье

машине мы только что приехали. Так в какие же, простите, магазины наша мачеха могла уйти? Или отец высадил её где-нибудь и забыл? Нет, это тоже вряд ли.

Я заглянула в гостиную и на кухню, но там везде было пусто и холодно, только остывший пепел в каминах. В углу гостиной стояла рождественская ёлка, с несколькими криво подвешенными на её ветвях цветными шарами, а под ней на полу стояло несколько завернутых в бумагу коробок. С каминной полки свисали чулки для рождественских подарков, и одного беглого взгляда мне хватило, чтобы понять, что висят только *три* чулка, и на них вышиты имена наших со Скарлет сводных братьев — «Гарри», «Джозеф» и «Джон». Судя по всему, для нас с сестрой у Санта-Клауса в этом году подарков не хватило.

— А мальчики? — уточнила я, невольно опасаясь, что сейчас они влетят сюда и начнут, как всегда, орать и швыряться чем попало. — Они-то где?

Отец прикрыл глаза ладонью. «А ведь он себя не очень хорошо чувствует, — подумала я. — И кожа у него какая-то бледная».

— Мальчики?.. Во дворе, я думаю, где-нибудь играют. Да, во дворе, — кивнул отец и вышел, оставив нас со Скарлет одних посреди комнаты.

Странно всё это было, очень странно. Остаток дня мы с сестрой просидели в своей бывшей спальне, натянув на себя всё, что смогли, чтобы согреться.

Скарлет даже «звездой» немного попрыгала — ноги врозь, руками «хлоп!» над головой, и так несколько раз подряд — а потом сказала, согревая свои пальцы дыханием:

— Как ты думаешь, нам с тобой хоть что-нибудь на Рождество в этом году подарят?

— В лучшем случае — снова носки, — мрачно предположила я.

— Ну что же, — рассудительно заметила Скарлет, взглянув на ноги. — Сейчас я и лишней паре носков была бы рада.

Когда за окнами начали сгущаться сумерки, мы слышали внизу шум, голоса и шаги — это пришла, наконец, наша мачеха с мальчишками. Я подняла голову, оторвавшись от книги, которую читала, и увидела выражение лица Скарлет. Моя сестра ожидала встречи с мачехой с таким же ужасом, что и я сама.

Какое-то время нас никто не беспокоил, а затем снизу донёсся звонкий голос Гарри:

— Эй, близнецы! Ужинать!

Скарлет стремительно подбежала к двери, открыла её и сердито крикнула в ответ.

— У нас, между прочим, имена есть!

Я неохотно отложила книгу и спустилась вслед за Скарлет по лестнице, приготовившись к тому, что вместо приветствия мачеха может просто-напросто вышвырнуть нас с сестрой из дома.

Но, к моему великому удивлению, Эдит лишь нахмурилась, увидев нас, и промолчала. Просто протянула две тарелки с довольно-таки приличной порцией пирога и картофельного пюре и сказала, махнув рукой в сторону стола:

— Идите садитесь.

Я облегчённо выдохнула. Возможно, всё не так уж плохо, как могло бы быть. На кухне разожгли камин, и от него волнами шло тепло.

Ели мы молча, боясь словом нарушить хрупкое заклинание, не дающее мачехе немедленно вышвырнуть нас с сестрой вон. Не молчали за столом только наши сводные братья, уж они-то болтать не переставали, причём делали это с набитыми ртами, наполняя воздух не только шумом, но и летевшими во все стороны крошками. Позже всех на кухню пришёл наш отец, и Эдит проворно вскочила, чтобы подать ему тарелку.

— Присаживайся, дорогой, — сказала она тем ласковым тоном, каким обращалась только к нему одному. — Вот твоё место.

И спасибо, что подвёз и высадил нас сегодня.

— Что? — рассеянно переспросил он. — А, да. Спасибо.

Он сел за стол и уткнулся в свою тарелку.

Я начала подумывать, не становится ли отец постепенно таким же странным, как наша тётушка Феба. А то и ещё хуже. Вот, забыл, что подвозил сегодня куда-то Эдит с её мальчишками. Впрочем, наша мачеха вполне и солгать могла по каким-то одной ей известным причинам. А затем я выбросила из головы все эти мысли как совершенно мне ненужные и вплотную занялась едой — очень даже приличной, между прочим.

Едва мы закончили ужин, как мальчишки сорвались с места и умчались в гостиную. Оттуда вскоре раздался перезвон ёлочных шаров и хруст бумаги, в которую были завернуты подарки.

Отец доел свою порцию и обратился к нам:

— Девочки... — Я моментально выпрямилась на стуле, показывая, что внимательно слушаю его. — Я нашёл кое-что и хочу показать это вам, — он положил на тарелку нож и вилку и поднялся на ноги. — Пойдёмте.

Мы пошли за ним, и, уходя, я успела поймать выражение лица Эдит. Она сердито хму-

рилась, глядя на оставленные нами на столе грязные тарелки. Понятное дело, она нас со Скарлет собиралась заставить мыть посуду. Но не вышло у неё на этот раз. Не вышло.

— Как думаешь, что всё это может означать? — шёпотом спросила меня Скарлет, когда мы шли к отцовскому кабинету.

— Понятия не имею, — ответила я.

Камин в кабинете отца тоже горел, и за дверью нас сразу окатило волной тепла. Мы вошли и остановились, не зная, что нам делать дальше.

— Ах да, — спохватился отец. — Я же собирался кое-что вам показать, верно?

Скарлет посмотрела на меня, я смущённо пожала в ответ плечами.

Отец подошёл к столу и проговорил, опустившись в своё кресло:

— В последнее время я много думаю о вашей матери.

Я открыла рот. Наверное, меня ничуть не сильнее удивило бы, скажи отец вместо этого «Я собираюсь лететь на Луну», например.

Наша мама умерла, когда мы с сестрой появились на свет, и отец никогда не говорил с нами о ней, особенно после того, как женился на Эдит. Мысли о нашей матери были для него настолько мучительны, что он зача-

стю и о нас думать избегал. И вот сегодня вдруг сам завёл разговор о ней.

— Что? — переспросила Скарлет.

Мне кажется, отец не заметил нашего удивления.

— У меня, знаете ли, остались некоторые её вещи, — сказал он, глядя при этом не на нас с сестрой, а в окно, на котором от жара горящего камина начал оттаивать узорчатый иней. — Я держал их под замком, но после того вашего представления в театре... После того, как я впервые увидел вашу тётушку и услышал всё, что она мне сказала...

Он закашлялся было, потом замолк. Я тем временем вспомнила тот спектакль и поняла, что отец имел сейчас в виду нашу тётю Сару, мамину сестру. Мы напали на её след, когда обнаружили, что на самом деле нашу маму звали Айда Джейн Смит, а не Эммелина, как нам всегда говорили. Она просто взяла имя своей лучшей подруги, которая погибла по вине бывшего директора Руквудской школы, мистера Бартоломью. В качестве наказания он заставил Эммелину плавать в озере возле школы, и она утонула. А потом в театре после нашего спектакля тётя Сара впервые встретилась с нашим отцом и обо всём ему рассказала. Ну или почти обо всём.